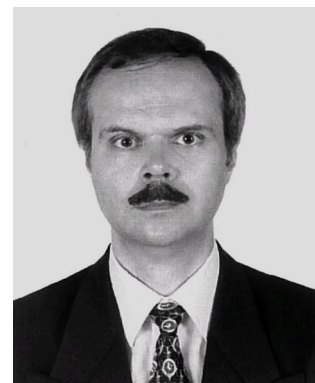

УДК 323.2:35:9

Смирнов А.А.

Об истинных причинах нехватки инициативы у комсостава Красной Армии после репрессий 1937–1938 гг.

Смирнов Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Московского архитектурного института (Государственной академии).

Статья посвящена критике тезиса о массовых репрессиях 1937–1938 гг. как о причине характерной для командного состава Красной Армии конца 30-х – начала 40-х гг. безынициативности и выявлению ее истинных причин. На основе привлечения широкого круга источников показывается, что безынициативность советских командиров кануна Великой Отечественной была обусловлена общим уровнем их образования, бюрократическим стилем управления, а также политической системой в целом.

Ключевые слова: массовые репрессии, безынициативность комсостава, бюрократический стиль руководства, общее образование, недоверие власти к населению, политорганы, партийные и комсомольские организации.

Утверждение о том, что стремления проявлять инициативу, брать на себя ответственность при организации боевой подготовки и ведении боевых действий командный состав Красной Армии лишился, будучи напуган массовыми репрессиями 1937–1938 гг., уже почти полвека является в историографии общим местом. Однако уже из выступлений заместителя наркома обороны Маршала Советского Союза М.Н.Тухачевского и командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армией (ОКДВА) Маршала Советского Союза В.К.Блюхера на Военном совете при наркомате обороны в декабре «предрепресссионного» 1935-го видно, что безынициативностью командиры РККА отличались и до репрессий. Знакомившиеся с Красной Армией японские офицеры, подчеркнул 9 декабря 1935 г. Тухачевский, «очень резко критикуют нас за отсутствие самостоятельности, смелости и решимости у наших командиров», отмечают, что командиры в ходе боя обнаруживают «неспособность своевременно принять решение при быстрой перемене обстановки», что как у бойцов, так и у командиров РККА вообще «недостаточно развита способность принимать решение». «Этими характерными указаниями проникнуты все заключения японских наблюдателей»¹! Собственно, то же самое наблюдал в том «предрепресссионном» году и сам Тухачевский: в Красной Армии, отмечал он в своем письме наркому обороны К.Е.Ворошилову от 1 декабря 1935 г., «подразделения продолжают ждать приказаний вместо напористых действий»². Этот вывод замнаркома сделал, ознакомившись с войсками трех крупнейших военных округов – Киевского, Московского и Ленинградского; – так же обстояли дела и в еще одном таком округе – ОКДВА. На весенних учениях, признался 10 декабря на Военном совете В.К.Блюхер, мы убедились, что «войска не проявляют нужной инициативности, быстроты действия со стороны командиров батальонов, командиров рот и командиров взводов» даже во встречном бою. «Прихожу, – рассказывал Василий Константинович, – на один участок, вижу, что обстановка такова, что необходимо немедленно наступление. Спрашиваю командира батальона: «Обстановка ясно диктует необходимость совета при наркомате обороны, мы убедились, что «войска не проявляют нужной инициативности, быстроты действия со стороны командиров батальонов, командиров рот и командиров быстрого действия и нападения на противника, почему вы не наступайте?» Он отвечает: «Приказа нет». Подхожу к младшему командиру и спрашиваю: «Вам обстановка ясна?» Он говорит: «Ясна». Он рассказывает: «Наступает противник, человек 300, из этих 300 человек половина перед нами, и эта половина, находящаяся перед нами, обходится с тыла другой частью». [...] Я спрашиваю его: «Почему же вы не наступайте?» Он отвечает: «Приказа нет». Тогда я ему говорю: «А что бы вы сделали, как бы вы поступили?» Он говорит: «Я бы пошел в атаку». «Ну и идите в атаку». Пошли. Но его не поддержало соседнее отделение, его не поддержала соседняя рота. *Это очень характерный пример для*

¹ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 4. Оп. 16. Д. 19. Л. 117.

² Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 213. Л. 325.

наших войсковых частей [выделено мной. – А.С.]»¹.

Показательно также, что даже в труде, являющемся квинтэссенцией взглядов российских военных историков на причины поражений Красной Армии в 1941-м, тезис о том, что репрессии «породили у командного состава страх, боязнь ответственности, а значит, безынициативность», не удалось подкрепить ничем, кроме цитирования... германской разведсводки, в которой «нерешительность и боязнь ответственности» названы отнюдь не последствиями террора, а «характерными чертами русских»²!

Последнее утверждение заслуживает особого разбора: на том, что русские вообще отличаются безынициативностью, и в России и за рубежом настаивали очень часто. Так, составленная в 1913 г. докладная записка германского Генерального штаба – отмечавшая, что русский солдат «неповоротлив, несамостоятелен и негибок умственно», что русский офицер «несамостоятелен и беспомощен при внезапных событиях», что «командованию в бою свойственно» «ожидание приказов» и «стремление действовать по схеме», – относила «боязнь ответственности, отсутствие инициативы» к числу «недостатков русского народа». Автор книги «Русский народ» (1911 г.) англичанин М.Бэринг писал о боязни ответственности и робости поведения русских, известный русский философ Н.О.Лосский – о «пассивности русского человека» (вытекающей из досады на несостоятельность земной жизни); один из лучших русских полководцев Первой мировой, генерал от инфантерии В.Е.Флуг тоже считал «пассивность и умственную апатию» «недостатком, свойственным массе русского народа»³... Однако тот же Флуг замечал, что накануне 1914 года среди разных категорий русского офицерства этот недостаток проявлялся отнюдь не в равной степени. Констатируя, что «в массе» как генеральский, так и «офицерский состав мирного времени» «не обладал, по крайней мере, в главном роде войск [т.е. в пехоте – А.С.] инициативой и предприимчивостью, он уточнял, что «у молодежи, младших офицеров, начальников команд разведчиков и пр.» эти качества «встречались чаще», «между ротными командирами» – «реже», а «между батальонными» – «в виде исключения»⁴. Уже одно это заставляет предположить, что если безынициативность «массы» русского офицерства и зависела от врожденных качеств русского этноса, то отнюдь не жестко. А наблюдение, сделанное в 1908 г. Генерального штаба полковником Д.П.Парским, заставляет усомниться и во врожденности русской безынициативности. «[...] Каждый живший в деревне и наблюдавший крестьянских детей, – писал Парский, – обращал, вероятно, внимание на их необыкновенную сметливость, шустрость и резвость по сравнению с городскими и вообще более интеллигентными однолетками; к юношескому возрасту эта разница часто усугубляется еще тем, что деревенский парень в 12–14 л. нередко исполняет уже отдельную и ответственную работу, тогда как интеллигентный его сверстник только недавно сел на школьную скамью. Поэтому, если в будущем, *благодаря образованию и привитию к самостоятельности* [выделено мной. – А.С.] последний явится, в общем, более подготовленным в смысле проявлений инициативы и самостоятельности, то, по крайней мере до 20 – 25-летнего возраста, примерно, крестьянин вряд ли уступит ему в этом отношении»⁵. На то, что безынициативность не является врожденным качеством русских, указывает и история Кавказской войны 1817–1864 гг. Общим местом в воспоминаниях и научных трудах ее участников стало подчеркивание присущей солдатам Отдельного Кавказского корпуса инициативности. «Солдат инстинктивно узнавал мысль своего начальника, сам работал головой, он рассуждал, соображал, применялся к местности в данный момент и делал выводы о причинах удачи и ли неудачи в известной стычке с горцами»⁶. И это развитие в солдате самостоятельности шло естественным образом (под влиянием жизни среди постоянных тревог, непрерывной борьбы с отчаянно храбрым и дерзким противником). А вот дисциплину в мелочах – действительно отсутствующую в русском национальном характере – в русских солдатах приходилось буквально выковывать, затрачивая огромные усилия⁷...

Во всяком случае, сообщения В.Е.Флуга, Д.П.Парского и участников Кавказской войны позволяют заключить, что недостаток у русских и советских военных инициативности обуславливался не русской ментальностью (независимо от того, присуща ей безынициативность или нет), а другими факторами. В случае с русскими солдатами и офицерами XIX – начала XX вв. это условия службы. Для солдат – существовавший тогда в армии «строевой режим» (который, по заключению того же Парского, «являлся безусловно гнетущим и удушливым в смысле выработки и воспитания инициативы и самостоятельности: произвол, грубость обращения, излишество словесной муштры, влекущие за собой какое-то одеревенение солдата и приниженность его личности и звания, создают такую обстановку, в которой не могут культивироваться эти качества»⁸), а также (как указывали, например, боевые кавказские офицеры Р.А.Фадеев и А.П.Кульгачев⁹) усердное привитие солдату строгой дисциплины. Привить ее русскому человеку удавалось, к сожалению, только совершенно отбив у него привычку к самостоятельным действиям: вытаскивали голову – увязал хвост. (Другое дело Кавказ, где даже при Николае I «солдатский быт был

¹ Там же. Ф. 4. Оп. 16. Д. 19. Л. 166–167.

² Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн.1. Суровые испытания. М., 1998. С.81.

³ Dyang nach Osten. Из секретной докладной записки германского Большого генерального штаба. 1913 год // Родина. 1993. № 8–9. С. 14–15; Лосский Н.О. Характер русского народа. Кн. 2. Франкфурт-на-Майне, 1957. С. 78–79, 85; Флуг В. Высший командный состав

// Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. Российский военный сборник. Вып. 16. М., 1999. С. 294.

⁴ Флуг В. Высший командный состав // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. Российский военный сборник. Вып. 17. М., 2000. С. 273.

⁵ Парский Д.П. Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы // О долге и чести воинской в российской армии. Собрание материалов, документов и статей. М., 1990. С. 250.

⁶ И.П. Из боевых воспоминаний. Рассказ курунца // Кавказский сборник. Т. IV. Тифлис, 1879. С. 54.

⁷ Смирнов А.А. Русский солдат как зеркало русского национального характера // Расовый смысл русской идеи. Вып. 1. М., 1999. С. 361–363.

⁸ Парский Д.П. Указ. соч. С.251.

⁹ Фадеев Р.А. Письма с Кавказа // Собр. соч. Т. 1. Ч.1. СПб., 1889. С. 229–231; Алексей Петрович Кульгачев (в его письмах, рассказах и воспоминаниях) // Кавказский сборник. Т. XXX. Тифлис, 1910. С. 52.

свободнее, развязнее»¹; не зря как в николаевские времена, так еще и в 1877 г. в российском войске называли солдат Кавказской армии «разбойниками»). В офицере – несмотря на «образование и привилегированное положение» – инициативности не давал развиваться утвердившийся в армии со времен Николая I бюрократический стиль руководства – отличавшийся мелочной регламентацией и плотной опекой начальством подчиненных. «Весь порядок занятий, – писал в 1907 г. Генерального штаба генерал-майор Е.И.Мартынов, – точно, в подробностях регламентирован уставами, наставлениями, инструкциями, приказами, расписаниями и т.п. Мало того, желая в чем-нибудь проявить свою деятельность, все старшие начальники, помимо указанных подробных правил, предъявляют еще свои личные требования. <...> Даже в способах достижения поставленных целей строевому офицеру не предоставляется никакой свободы. <...> Одним словом, в продолжение всей своей службы в полку наш строевой офицер находится под постоянной опекой; его деятельность лишена всякой самостоятельности, малейшей доли творчества и инициативы». Поэтому «из числа строевых офицеров все более способное, самостоятельное и предприимчивое постепенно находит себе выход на сторону. Остаются в рядах войск, кроме редких любителей военного дела, по преимуществу самые неразвитые и инертные. Вследствие этого» и создается положение, при котором «средний уровень младших офицеров всегда бывает выше ротных командиров, а этих последних выше, чем батальонных командиров» (к моменту получения батальона, указывал отмечавший этот же факт В.Е.Флуг, армейские офицеры оказывались «боящимися ответственности, пассивными, лишёнными инициативы, самостоятельности и самоуверенности начальниками, часто с пониженным сознанием своих офицерского и личного достоинств и вообще близкими к тому состоянию, которое называется «забитостью»²).

Частями и соединениями в русской армии начала XX в. командовали в основном лица, варившиеся в котле «глубокой армии» недолго или с самого начала служившие в более свободной атмосфере – выходцы из корпуса офицеров Генерального штаба и гвардии. Однако бюрократический стиль руководства производил отрицательный отбор и среди них. Вплоть до 1917 г. подбор высшего командного состава производился примерно так, как описывал после русско-японской войны генерал от инфантерии А.Н.Куропаткин: «Люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, во многих случаях в России не выдвигались вперед, а преследовались: в мирное время такие люди для многих начальников казались беспокойными, казались людьми с тяжелым характером и таковыми аттестовывались. В результате такие люди часто оставляли службу. Наоборот, люди без характера, без убеждений, но покладистые, всегда готовые во всем соглашаться с мнением своих начальников, выдвигались вперед»³.

Этот *бюрократический стиль руководства* сохранился и в Красной Армии. «Живое руководство, – констатировалось, например, в проекте основных положений «Руководства по боевой подготовке РККА», составленном (очевидно, начальником 2-го отдела Штаба РККА А.И.Седякиным) в декабре 1934 г., – очень часто понимается как необходимость мелочной опеки над подчиненными, в результате чего старшие командиры делают работу младших, часто их проверяют, не выполняя своей работы. Следствием этого является пониженное чувство ответственности, недостаток самостоятельности и инициативы внизу <...> Это отражается, в частности, на недостатке инициативы у начальствующего состава на тактических занятиях, приучает к шаблону»⁴. Подобный стиль руководства сохраняется, как известно, в России и в наши дни; В.Е.Флуг даже выводил этот «органический порок нашей Армии», это «мелочное вмешательство начальников в законную сферу ведения их подчиненных, лишение их самостоятельности, их обезличивание» из особенностей русской ментальности, а именно из «своейственного русским людям взаимного недоверия»⁵. Это последнее подмечали и русский публицист А.Н.Энгельгардт в 1881 г. («По понятиям мужика, каждый человек думает за себя, о своей личной пользе, каждый человек эгоист») и долго живший в России англичанин М.Бэринг (писавший в 1914-м, что русские «смотрят с подозрением на всякую индивидуальную оригинальность и отличие»⁶).

Но прежде всего безынициативность советского комсостава – как «предрепрессивного», так и «послерепрессивного» – определялась *низким уровнем его общего образования* (и, значит, общего развития). Как мы видели выше, на связь между тем и другим обращал внимание и Д.П.Парский; в самом деле, недостаток общего развития и обусловленная им узость кругозора неизбежно порождают у командира тягу к шаблону, не позволяют ему действовать по обстановке. Ведь человек с небольшим багажом знаний психологически склонен возводить то немногое, что он знает, в абсолют, смотреть на немногие известные ему сведения как на некую «универсальную отмычку» для разрешения любой проблемы – словом, «держаться устава, яко слепой стены». А в СССР в военные школы (с марта 1937 г. именовавшиеся военными училищами) только в 1936 г. перестали принимать лиц с низшим (менее 7 классов) образованием и только в 1937-м перешли к комплектации училищ лицами, окончившими не менее 8 классов. А еще в 1927–1932 гг. от 75,4% до 86,0% принятых в военные школы имели лишь низшее общее образование или вообще никогда не учились в общеобразовательной школе (в пехотных и кавалерийских школах в 1928–1930 гг. этот процент составлял от 83,6 до 96,4); еще в наборе 1933 года такие лица составляли 40, %, а в наборе 1934-го – 23,0%⁷. (Попытки дать таким курсантам полное среднее образование за 2,5–3,5 года обучения в

¹ Бриммер Э.В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в I кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник. Т. XVIII. Тифлис, 1897. С. 94.

² Мартынов Е. Назревшие реформы // Офицерский корпус русской армии. С. 313–314, 317; Флуг В. Высший командный состав // Офицерский корпус русской армии. С. 284.

³ Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1909. С. 334.

⁴ РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 175. Л. 15.

⁵ Флуг В. Высший командный состав // Военная мысль в изгнании. С. 302–303.

⁶ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем 1872–1887. М., 1987. С. 540; Лосский Н.О. Указ. соч. Кн. 2. С. 80.

⁷ Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. Кн. 2. М., 2006. С. 233; РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 22. Л. 77; Д. 74. Л. 55, 77, 148; Д. 172. Л. 278; Д. 248. Л. 1; Ф. 7. Оп. 14. Д. 3. Л. 30, 31; Ф. 9. Оп. 36. Д. 262. Л. 31 об.

военной школе – из-за слишком низкого исходного уровня обучаемых и порочной методики преподавания – успеха не имели; «это место, – подытожил в апреле 1936 г. начальник Управления военно-учебных заведений РККА армейский комиссар 2 ранга И.Е.Славин, – преподаватели завалили»). Да и после 1937-го значительную часть комсостава готовили на курсах младших лейтенантов – куда принимали и с низшим образованием. Действительно большим процент командиров с законченным средним образованием в войсках стал только в ходе Великой Отечественной; так, в 5-й гвардейской танковой армии накануне Курской битвы, к 1–5 июля 1943 г., низшее образование имелось лишь у 14,2% командного состава, а неполное среднее (7 классов) – у 35,6%; половина же командиров и начальников – 50,2% – имела уже среднее и высшее². И не с этим ли, помимо прочего, связан тот отмеченный немцами факт, что в 1944 г. боевое мастерство советских танкистов «неизмеримо выросло», что «даже младшие офицеры изменились и проявляли теперь большое умение, решительность и инициативу»³?

Кроме того, даже после военной реформы 1923–1928 гг. с ее «переходом к единоначалию» *власть командиров в Красной Армии была фактически ограничена политорганами и партийными и комсомольскими организациями*. А это (как признал 2 декабря 1924 г. сам заместитель председателя РВС СССР М.В.Фрунзе) тоже мешало комсоставу выработать «волю и способность к принятию самостоятельных быстрых решений»⁴.

На этом факторе следует остановиться подробнее, ибо он не просто действовал как до, так и после массовых репрессий, но и не мог быть ни порожден репрессиями, ни уничтожен ими – ибо был обусловлен самой природой Советского государства и его армии. Ведь начатый в 1917-м большевиками эксперимент противоречил интересам большинства населения страны. Здесь мало подчеркнуть, что, согласно самим же экспериментаторам, прямо выиграть от реализации их идей должны были только «пролетарии», т.е. промышленные рабочие и батраки – всего порядка 15% россиян. Большинство населения должно было прямо проиграть! Достаточно напомнить только об одном факте: в то время как целью эксперимента было построение в России социализма по К.Марксу, т.е. общества без частной собственности на средства производства, большинство населения страны составляли крестьяне, т.е. частные собственники! Вся история РКП(б)/ВКП(б) в 1918–1929 гг. (от первых ее столкновений с крестьянством до перехода ее к полному подчинению деревни путем коллективизации) – это история боязни того, что крестьянство свергнет власть большевиков, *история страха власти перед большинством населения*

страны. Вот лишь некоторые эпизоды этой истории, связанные с объектом нашего исследования – Красной Армией. Главный вопрос сейчас, подчеркивали в своих выступлениях в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) и отстаивавший «линию ЦК» Г.Я.Сокольников, и представитель «военной оппозиции» Г.И.Сафаров, – это «вопрос о мелкобуржуазной опасности, которая у нас имеется в связи со строительством Красной армии»: ведь «большинство человеческого материала, с которым нам приходится иметь дело в Красной армии, это большинство имеет связь с мелкой собственностью», «это большинство принадлежит к так называемому среднему крестьянству». «Я должен сказать, – как всегда, просто и ясно выразил ту же мысль выступивший на том же съезде И.В.Сталин, – что те элементы нерабочие, которые составляют большинство нашей армии, – крестьяне, они не будут драться за социализм, не будут! Добровольно они не хотят драться. Целый ряд фактов на всех фронтах указывает на это. Целый ряд бунтов в тылу, на фронтах, целый ряд эксцессов на фронтах показывает, что непролетарские элементы, составляющие большинство нашей армии, драться добровольно за коммунизм не хотят»⁵. Еще в ноябре 1924 г. в центральном аппарате РКП(б) и военного ведомства спорили о том, не приведет ли переход дивизий, дислоцируемых в крестьянских районах, на территориальный принцип комплектования к «организации и сплочению» крестьянства и, соответственно, не создаст ли это «удобную почву для контрреволюционной работы». Ведь «целый ряд губерний (и таких, пожалуй, большинство, особенно на Украине) имели в недалеком прошлом ряд крестьянских восстаний»⁶... Еще к лету 1925 г. К.Е.Ворошилов был известен тем, что «особенно всегда подчеркивал опасность использования крестьянством терсистемы [территориальной системы. – А.С.] как формы организованно-

Антоновское восстание 1918–1922 гг. Бойцы одного из полков Объединенной партизанской армии Тамбовского края. Фото с сайта http://www.hrono.ru/libris/lib_s/senn07.html

Боевая подготовка частей территориальных войск. 1922 г. Фото с сайта <http://www.uniros.ru/book/ww2/28.php>

¹ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 234. Л. 72.

² Подсчитано по: Замулин В.Н. Прохоровка – неизвестное сражение великой войны. М., 2006. С. 647.

³ Меллентин Ф. Бронированный кулак вермахта. Смоленск, 1999. С. 439, 440.

⁴ Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. Кн. 1. М., 2006. С. 299.

⁵ VIII съезд РКП(б). Стенограмма заседаний военной секции съезда 20 и 21 марта 1919 года и закрытого заседания съезда 21 марта 1919 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 153–154, 163.

⁶ Реформа в Красной Армии. Кн. 1. С. 302, 305.

го мелкобуржуазного сопротивления политике диктатуры пролетариата» – и еще в декабре 1926 г. ОГПУ СССР предупреждало РВС СССР, что «при стечении неблагоприятных обстоятельств тердивизии могут послужить готовыми кадрами для восстаний», что «возникают весьма реальные опасения о возможности поднятия при мобилизации тердивизий вообще», а уж «значительные затруднения при мобилизации» этих дивизий (за исключением немногих, имеющих достаточную рабочую прослойку) – «неизбежны»¹. Из-за преобладания в СССР чисто крестьянских районов, вторили в октябре 1928 г. чекистам работники Главного управления РККА (ГУ РККА), «возможность дальнейшего развития тервойск в данное время совершенно исключается»². В еще более неприкрытом виде недоверие большевицкой верхушки к большинству населения страны отразилось в записке, поданной 15 августа 1927 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) Л.Д.Троцким, Н.И.Мураловым и И.П.Бакаевым. Указав, что из-за чисто крестьянского состава большей части территориальных дивизий и «значительного окрестьянивания» среднего и младшего состава «считать такие дивизии верным орудием пролетарской революции нельзя», эти видные партийные и советские работники предлагали «в крестьянские дивизии на все командные должности, начиная от командира отделения, назначать кадр из рабочих, а пулеметные команды комплектовать рабочими хотя бы на 25 %, поручив им управление огнем пулеметов»; кроме того, в таких важнейших войсках как технические «на наиболее важную работу (наводчиками к пулеметам и орудиям, старшими в газовых командах и пр.)» также назначать индустриальных рабочих – которые, таким образом, и «управляли бы огнем и газом»³. За столь конкретными предложениями уже зримо, осязаемо ощущается напряжение людей, *постоянно* ожидающих, что основная масса их армии повернет пулеметы, орудия и газовые баллоны против них самих... Как известно, в том же году авторы записки были исключены из ВКП(б) за «левый уклон», т.е. чрезмерный левый радикализм, однако в следующем, 1928 г. РВС СССР дал директиву, мало чем отличавшуюся от предложений троцкистов: курсантов полковых школ, т.е. будущий младший комсостав на 80% набирать из пролетариев и полупролетариев (на 30% из рабочих и на 50% – из батраков и крестьян-бедняков). А в июне 1929-го Реввоенсовет с удовлетворением докладывал Политбюро ЦК ВКП(б), что «социальный состав РККА за последние годы улучшается»: с апреля 1926-го по январь 1929-го процент рабочих среди военнослужащих увеличился с 18,1 до 27,3, а процент крестьян уменьшился с 68,5 до 60,6⁴...

Мы уже не говорим о других частнособственнических слоях населения – городской буржуазии, ремесленниках и прочей мелкой городской буржуазии, казачестве. Мы не говорим уже о том, что в построении марксистского социализма с его заменой демократии «диктатурой пролетариата» (фактически – диктатурой большевистской партии) и отсутствием свободы убеждений и творчества не была заинтересована и интеллигенция...

Недоверие к большей части населения страны большевицкая власть питала и после коллективизации, в начале и середине 30-х; фразы о свершившемся якобы осенью 1929-го «великом переломе» в сознании крестьянства и добровольном переходе деревни на социалистические рельсы она оставляла пропаганде... В первых числах сентября 1932 г. начальник Главного управления и военно-учебных заведений РККА Б.М.Фельдман, основываясь на горьком опыте 1931 года, даже просил у начальника Политуправления РККА (ПУ РККА) Я.Б.Гамарника разрешения перенести каникулярный отпуск курсантов Объединенной военной школы имени ВЦИК так, чтобы они возвратились в московский Кремль не перед самыми ноябрьскими праздниками. Ведь «не исключена возможность возвращения из отпуска некоторых курсантов с отрицательными настроениями деревни» – а 7 ноября школе предстоит не только участвовать в параде на Красной площади, но и нести охрану таковой⁵... Еще в сентябре 1935-го политработники Киевского военного округа (КВО) проводили «политическую рекогносцировку» маршрутов, по которым их части должны были выдвигаться в район Киевских маневров – дотошно выясняя не только процент выполнения каждым колхозом плана хлебопоставок (и, соответственно, степень «сознательности» колхозников), но и то, сколько жителей того или иного села служило в 1919-м в армии С.В.Петлюры. Правда, делалось это не для обеспечения безопасности войск, а для обеспечения адекватного подхода к селянам при проведении среди них военными «массовой работы», но все равно создается впечатление, что части идут по *вражеской* территории, все равно при словах «массовая работа среди населения» вспоминается позднейшее советское понятие «политическая работа среди войск и населения *противника*»... В том же 1935-м призывники, направляемые в войска НКВД и в местные стрелковые войска (также предназначавшиеся для подавления восстаний внутри страны), должны были состоять из рабочих не на 20–25% (как обычные пехота и конница), а соответственно на 35% и 30%. Характерны и нормы рабочей прослойки, установленные в том году для призывников, направляемых в части укрепленных районов и авиадесантные. В первых эта прослойка должна была составлять 70% – хотя навыков обращения с техникой там требовалось ничуть не больше, чем в пехотных и артиллерийских подразделениях, а также подразделениях связи других частей (обходившихся соответственно 25, 40 и 50 процентами). Но удивительно здесь ничего нет: от личного состава укрепрайонов зависело, открыть врагу путь в глубь территории СССР или задержать его, обеспечив тем самым мобилизацию главных сил РККА. Среди новобранцев же авиадесантных частей рабочих должно было быть 80% – больше, чем где бы то ни было⁶. Какой-либо особо сложной техникой, которая требует привыкших обращаться с нею людей, десантники тоже не располагали, но они должны были действовать в тылу врага – там, где перебежать к врагу легче всего...

Однако безусловным доверием власти не пользовались и «пролетарии»! И не зря: эксперимент по построению в России марксистского социализма разочаровывал и многих рабочих. Так, в начале 30-х гг. форсирован-

¹ Там же. С. 395, 661, 666.

² Там же. Кн. 2. С. 274.

³ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 172, 173, 174.

⁴ Там же. С. 190, 192.

⁵ РГВА. Ф.62. Оп.3. Д.78. Л.47.

⁶ Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 200. Л.131.

ная индустриализация и «социалистическое переустройство деревни» привели к сильному понижению уровня жизни в городах. Питаться рабочие стали хуже, чем при «кровавом царском режиме» (см. табл. 1).

Таблица 1.
Изменения в питании городского населения России / СССР в 1900–1935 гг.¹

Продукты	Дневное потребление мужчин в возрасте 18 – 59 лет, граммов	
	1900 – 1915 гг.	1932 – 1935 гг.
Мясопродукты и сало	126,4	68,9
в том числе мясопродукты	119,8	66,7
Молочные продукты	211,6	107,0
Яйца	21,8	2,8
Рыбопродукты	43,7	27,6
Сахар	30,2	46,3
Масло растительное	30,2	3,4
Масло животное и жиры	23,8	8,3
Сало	13,0	2,3
Картофель	222,6	246,3
Овощи и фрукты	193,2	113,0
Хлебные продукты	901,6	589,3
Весь рацион	1845,4	1212,9
<i>усвоено калорий*</i>	3748	2925

* Без учета потребления спиртных напитков

«Если бы знать, что будет вот так, как теперь, никто бы революцию не стал делать. Хуже стало, много хуже», – эти относящиеся к 1935 г. и переданные в воспоминаниях инженера Б.Н.Соколова слова старого рабочего ленинградского арматурного завода «Знамя труда» Семенова – «в прошлом революционера, неперемного участника забастовок и демонстраций»² – отражали настроение немалого числа «пролетариев»; фиксировались и заявления, подобные тому, что сделал в 1932 г. слесарь днепрпетровского вагоноремонтного завода, бывший красный партизан Калашников: «Если что получится, то я опять возьму винтовку и буду бить гадов, которые сидят на ответственных постах и довели страну до такого состояния»³. Весной 1932-го во многих городах – и в том числе в Ивановской области, среди такой верной в прошлом опоры большевиков, как иваново-вознесенские ткачи, прошли антиправительственные забастовки и демонстрации; июль 1933-го был отмечен рабочими волнениями на Урале и в Донбассе. В том же 1933 г. «отрицательные настроения» (60,5% которых работники Особых отделов ОГПУ СССР отнесли к однозначно антисоветским) были зафиксированы более, чем у половины личного состава РККА⁴!

Наиболее надежной опорой режима считались поэтому члены партии и комсомола (независимо от их социального положения). Не зря же еще в 1935 г.:

– комсомольскую прослойку в считавшихся тогда ключевыми технических родах войск старались создать более заметную, чем в пехоте и коннице (если среди призывников, направляемых в эти последние, члены ВЛКСМ должны были составлять 20%, то среди направляемых в артиллерию, войска связи, инженерные, химические и железнодорожные – 25%, а среди тех, кого посылали в являвшиеся главной надеждой РККА автобронетанковые войска и ВВС – 30%),

– в автобронетанковых войсках и ВВС – а также в располагавших чрезвычайно смертоносным оружием химических войсках – стремились создать и более заметную партийную прослойку (среди призывников, направляемых в эти рода войск, члены ВКП(б) должны были составлять 1% против 0,5% в других технических родах войск, пехоте и коннице),

– должности водителей и командиров танков и бронеавтомобилей укомплектовывали «исключительно за счет членов партии и комсомола»,

– удельный вес коммунистов и комсомольцев среди призывников, направляемых в обеспечивавшие устойчивость власти войска НКВД и местные стрелковые войска, также устанавливался выше, чем в обычных пехоте и коннице (коммунистов – 1% против 0,5%, комсомольцев – 25% против 20%),

– среди призывников, которых посылали в прикрывавшие мобилизацию части укрепрайонов и на флот (в 1935-м еще не занимавший важного места в стратегических планах советского руководства, но облегчавший служившему на нем бегство в «капиталистический мир» и просто контакты с этим последним!), процент партийцев и комсомольцев должен был быть таким же, что и среди направляемых в автобронетанковые войска и ВВС, и, наконец,

– призывники авиационных частей, которым предстояло драться в основном в тылу противника и которым поэтому было еще легче перебежать к нему, вообще могли быть *только* комсомольцами (95%) и

¹ Составлено по: Миронов Б. Когда в России жилось хорошо? Эпизод четвертый. 1920-е годы // Родина. 2008. № 7. С. 22.

² Соколов Б.Н. В плену и на Родине. СПб., 2004. С. 57, 58.

³ Цит. по: Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 16.

⁴ Сувениров О.Ф. 1937. Трагедия Красной Армии. М., 2009. С. 75.

коммунистами (5%)¹.

Корреляция между степенью опасности измены бойца того или иного рода войск (или тех или иных частей) и величиной партийной и комсомольской прослойки, установленной для призывников, направляемых в этот род войск (или в эти части), оказывается более тесной, чем между указанной степенью и величиной установленной для призывников рабочей прослойки! Чисто политическими соображениями эта последняя величина определялась, пожалуй, только в упомянутых нами выше случаях с частями войск НКВД, местных стрелковых войск, укрепленных районов и авиадесантными. В остальных случаях ее явно устанавливали, исходя не только из политических, но и из деловых соображений: ведь рабочие были людьми, привыкшими обращаться с техникой. Так, процент рабочих, установленный в том же 1935 г. для призывников², направляемых в артиллерию (40), в войска связи, инженерные и химические (50), в железнодорожные войска (60) и в автобронетанковые войска, в авиацию и на флот (70) был явно пропорционален уровню технических знаний и навыков, которые требовались бойцам соответствующих родов войск. И однозначно по деловым соображениям для конницы этот процент приняли меньше, чем для пехоты (20 против 25). Измены в первой боялись не меньше, чем во второй (процент комсомольцев и коммунистов среди призывников для той и другой установили одинаковый), но людей, привыкших к обращению с конем, было больше среди крестьян, а не среди рабочих...

Все это ясно говорит о том, что полное доверие большевистская верхушка питала (если она вообще могла питать к кому-то полное доверие) лишь к членам РКП(б)/ВКП(б) и РКСМ/РЛКСМ/ВЛКСМ, т.е. к абсолютному меньшинству населения СССР.

О том, что в начале и середине 30-х гг. власть все равно не доверяла не только крестьянству (хоть оно и стало уже «колхозным»), но и многим рабочим, говорит и непрерывный, усердный, чуть ли не с фонарем, поиск и среди призывников, и среди уже призванных в РККА, и среди кандидатов в курсанты, и среди уже зачисленных в военные школы лиц, политически неблагонадежных – непрерывный и усердный поиск врагов «рабоче-крестьянской» власти в контингентах, чуть ли не поголовно рабоче-крестьянских! Только в 1933 г. из РККА по неблагонадежности изъяли 8828 человек³ – личный состав двух средних тогдашних стрелковых дивизий! И это не считая уволенных как «кулаки»... Даже из прибывших в 1934 г. в Объединенную военную школу имени ВЦИК кандидатов в кремлевские курсанты – которые не только были на 100% коммунистами и комсомольцами, но и прошли через сито соответствующих проверок в своих воинских частях и военкоматах! – 13% было все-таки отсеяно из-за наличия «компрометирующих данных»⁴. Согласно инструкции от 17 июня 1935 г., желающие поступить в военную школу должны были не только получить характеристику, утвержденную партийной или комсомольской организацией их предприятия или учреждения, но и пройти проверку органами НКВД и, наконец, получить «добро» местного райкома или горкома ВКП(б). Перед большими учениями (даже не перед войной!) среди и так уже прошедших жесточайший классовый и партийный отбор авиаторов и танкистов опять проводили проверку – с тем, чтобы допустить на Киевские маневры 1935 г. только «политически вполне проверенных летчиков и техников», чтобы не брать на Шепетовские маневры 1936 г. политически неблагонадежных танкистов и т.д.; – в ОКДВА еще в мае 1937-го озабочивались тем, что в 119-м стрелковом полку 40-й стрелковой дивизии целых «400 красноармейцев имеют отрицательное прошлое»⁵... Неблагонадежными начинали считаться целые районы страны – и отнюдь не только Северный Кавказ с его многочисленным казачьим населением, которое в Гражданскую в массе своей дралось против красных, еще в начале 30-х гг. сохраняло связь с ушедшими в 1920-м в эмиграцию и особенно часто имело после коллективизации ссыльных родственников. Власть настолько не верила в приверженность масс к советским порядкам, что автоматически брала под подозрение всех жителей приграничных районов – ведь им легче было и стать агентурой врага и уйти за кордон. Еще в 1936 г. в кадровые части Белорусского (БВО) и Киевского военных округов призывников из приграничных районов направлять запрещалось – главным группировкам РККА на Европейском ТВД политически неблагонадежные контингенты были совершенно ни к чему...

Расхождение интересов правящей партии и большей части общества не оставляло партии другого выхода, как неусыпно контролировать все, что происходит в обществе, и постоянно же воспитывать общество в духе своих идей (всякое умаление социалистической идеологии, с полным основанием подчеркивал В.И. Ленин, есть уступка идеологии буржуазной) – контролировать и воспитывать, естественно, силами своего аппарата и своих членов. А поскольку вооруженные силы обладали особенно большими возможностями свергнуть режим, контролировать и воспитывать их были призваны сразу две партийные структуры – не только объединявшие членов РКП(б)/ВКП(б) и РКСМ/РЛКСМ/ВЛКСМ армейские партийные и комсомольские организации, но и специальные политорганы со штатом профессиональных политработников (вне вооруженных сил создававшиеся – в лице политотделов МТС и политотделов на транспорте – только на особо важных в данный момент «участках социалистического строительства»). Но контролировать и воспитывать личный состав вооруженных сил означало для

Краснофлотцы на политических занятиях. 1929. Фото с сайта <http://www.uniros.ru/book/ww2/28.php>

¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 200. Л. 131; Ф. 25880. Оп. 4. Д. 138. Л. 138.

² Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 200. Л. 131.

³ Сувениров О.Ф. Указ. соч. С. 75.

⁴ Подсчитано по: РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 105. Л. 124, 242.

⁵ Там же. Ф. 36863. Оп. 1. Д. 6. Л. 176 об.; Ф. 9. Оп. 36. Д. 1777. Л. 48.; Ф. 36393. Оп. 1 Д. 40. Л. 20.

партийных структур *подменять командный состав*.

Задачей армейских политорганов дублирование комсостава провозглашалось фактически прямо! «Политработник, – напоминал 11 сентября 1934 г. начальникам политуправлений округов и военкомам и помполитам соединений и военных школ начальник ПУ РККА Я.Б.Гамарник, – должен крепко усвоить, что он полностью отвечает за все, что делается в части, отвечает за состояние боевой подготовки, за караульную службу, за каждую катастрофу и аварию, за состояние оружия» и т.д.¹ Так же понимались и задачи армейских партийных и комсомольских организаций; характерно высказывание, прозвучавшее на комсомольском собрании 19-го стрелкового полка 7-й стрелковой дивизии КВО 13 ноября 1935 г.: «Стрелковая подготовка в роте [готовившей – А.С.] младших командиров на последней поверке дала слабые результаты. Отсюда вывод – слабо работал комсомол»²... В том же духе писались и приказы войскам: политсоставу, партийным и комсомольским организациям «обеспечить высокое качество боевой учебы и боевой готовности» (приказ командующего Приморской группой ОКДВА № 228 от 1 июня 1935 г.); политорганам и парторганизациям бороться за организацию и высокие показатели боевой учебы (приказ командующего ОКДВА № 022 от 4 февраля 1936 г.)³ – и т.д. и т.п. При этом политорганы «высокое качество боевой учебы и боеготовности» должны были обеспечивать не только воспитательной работой и апелляциями к партийной и комсомольской дисциплине (вроде призывов «проявить большевистское упорство по организации снаряджения [пулеметных – А.С.] дисков и т.д.»⁴), но и администрированием, подменой командиров и других специалистов из комначсостава. К примеру, 16 февраля 1935 г. заместитель начальника политуправления Украинского военного округа М.Ф.Березкин предупреждал начальников политотделов частей, что добиваться хорошего состояния оружия и техники политотделы должны не только организацией соцсоревнования, систематическим заслушиванием отчетов коммунистов и комсомольцев о состоянии вверенного им оружия, популяризацией усердных и критикой нерадивых через армейскую печать и поднятием авторитета вооруженцев, но и непосредственной проверкой состояния боевой техники, выполнения военнослужащими инструкций и наставлений по эксплуатации матчасти и (совместно со штабами) знания этих инструкций командирами. Политрук школы отдельного батальона связи 15-го стрелкового корпуса КВО в марте 1937 г. был даже арестован на одни сутки «как не обеспечивший образцового несения караульной службы» личными проверками⁵... Естественным следствием такого взгляда на функции политорганов была ситуация, отраженная в докладной записке старшего инструктора ПУ РККА Э.М.Ханина от 5 марта 1935 г. У начальника политотдела 5-й механизированной бригады БВО А.Г.Дракохруста, отмечалось в ней, «основное время» «уходит на «течку». Он буквально днями сидит на мелких вопросах, они его захлестывают. К нему идут десятками и политработники и штабники, хозяйственники, техники со всеми вопросами, причем меньше всего по вопросам собственно партполитработы»⁶. То же констатировало 10 февраля 1937 г. и партсобрание частей 45-й стрелковой дивизии КВО, расквартированных в Новоград-Вольнске: политработники и парторганизации допускают «мелкую опеку, а в ряде случаев неквалифицированную подмену командиров и начальников» в вопросах боевой подготовки и войскового хозяйства⁷. В общем, еще и до репрессий в Красной Армии была налицо картина, обрисованная в августе 1932-го начальником боевой подготовки сухопутных сил РККА А.И.Седакиным: «Единоначалия подлинного в войсках нет»⁸.

При такой опеке и подмене его политработниками и партийными и комсомольскими организациями в командире Красной Армии не могло не развиваться безответственное отношение к своим служебным обязанностям – исключавшее всякое проявление инициативы. В самом деле, стоило ли комсоставу выдвигавшейся в сентябре 1935 г. в район Киевских маневров 100-й стрелковой дивизии КВО всерьез озабочиваться обеспечением правильного несения караульной службы и службы внутреннего наряда, если (согласно плану политотдела дивизии) обеспечивать это должен был еще и военком (или помполит) части, а его, в свою очередь, должны были контролировать здесь еще и работники политотдела дивизии? Стоило ли комсоставу 19-го стрелкового полка 7-й стрелковой дивизии того же КВО упорно заниматься организацией огневой подготовки, если этим занимались еще и парторганизация, и комсомольская организация, и политработники – и занимались, буквально ревнуя друг к другу («Комсорги 2-го и 3-го [батальона], – возмущался 22 марта 1935 г. один из членов полкового бюро ВЛКСМ, – рассчитывают, что за них подготовку к стрельбе будет проводить политрук»⁹)? Комсостав (и без того расхолаживаемый необходимостью постоянно отвлекаться на партийную и другую общественную работу) быстро привыкал к тому, что его подменяют все, кому не лень, и даже находил это очень удобным. Командир, констатировал, ознакомившись в августе 1932 г. с войсками БВО, А.И.Седакин, стремится делить ответственность с политорганами и парторганизацией. «Некоторые командиры-коммунисты, – докладывал 4 мая 1937 г. начальник политотдела 60-й стрелковой дивизии КВО полковой комиссар Бордах, – если не громко [говорят – А.С.], то намекают на то, что низкие показатели по огневой подготовке есть прямой результат того, что парторганизации перестали заниматься этим делом»¹⁰. «Молодой средний комсостав, – отмечалось в составленном в ПУ РККА «Кратком обзоре партийно-политической работы на маневрах 1935 года», – еще не понял, что разъяснение боевой задачи, обеспечение поучительности [маневров для бойцов – А.С.] – это прежде всего [его – А.С.], командира, обязанность, и что поли-

¹ Там же. Ф. 4. Оп. 15. Д. 11. Л. 98 об.

² Там же. Ф. 34503. Оп. 1. Д. 15. Л. 16 об.

³ Там же. Ф. 36393. Оп. 1. Д. 7. Л. 92 об.; Ф. 33879. Оп. 1. Д. 579. Л. 57.

⁴ Там же. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 187. Л. 86.

⁵ Там же. Ф. 40334. Оп. 1. Д. 212. Л. 69.

⁶ Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 216. Л. 200.

⁷ Там же. Ф. 37928. Оп. 1. Д. 15. Л. 64.

⁸ Там же. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 13. Л. 74 (236).

⁹ Там же. Ф. 34503. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.

¹⁰ Там же. Ф. 40334. Оп. 1. Д. 212. Л. 181.

таппарат, каждый коммунист в этом ему [только – А.С.] помогают»¹.

Политорганы же и парторганизации, наоборот, вошли во вкус командования! «У целого ряда помполитов и отсеков [здесь: ответственных секретарей партийных бюро, т.е. глав армейских парторганизаций – А.С.]», указывал, например, после ознакомления в августе 1932 г. с войсками БВО А.И.Седякин, проявляется «стремление принижать роль начальника, лишать его возможности проявлять полную ответственность и самостоятельность в командовании подчиненной частью» – и «нередко» командир «сбивается» «на «коллегиальность», разделение ответственности» именно под их нажимом²...

В общем, о безоглядном списывании безынициативности советского комсостава конца 30-х – начала 40-х гг. на последствия массовых репрессий 1937–1938 гг. не может быть и речи. Корни этой безынициативности следует искать не в 1937-м, а в 1917-м, в начале тогда большевиками грандиозном эксперименте над Россией. Именно этот эксперимент вплоть до 1936 г. побуждал руководство СССР комплектовать командный состав армии почти исключительно выходцами из рабочих и (с большими оговорками) крестьян, т.е. слоев, отличавшихся низким уровнем общего образования. Иначе за лояльность вооруженных сил поручиться вообще было нельзя! «Почему все военно-учебные заведения (а их 60) не удовлетворяют в должной мере подготовке комсостава требований современной войны [так в тексте – *Прим. сост.*], – задавал в июне 1927 г. риторический вопрос заместитель начальника ГУ РККА В.Н.Левичев. – Потому, очевидно, что рабоче-крестьянская молодежь, наполняющая ВУЗы [здесь: военно-учебные заведения – А.С.], имеет довольно низкий общеобразовательный уровень. Известно, что процент оканчивающих школу 2 ступени [т.е. неполную среднюю и среднюю – А.С.] из молодежи рабочих и крестьян (а крестьян набираем из бедняков и середняков) – невысок.

Можем ли мы заменить этот контингент укомплектования школ советскими разночинцами и прочими, общеобразовательный ценз которых выше и тяга имеется налицо? Не можем»³.

Именно большевистский эксперимент побуждал руководство СССР держать комсостав под неусыпным контролем структур большевистской партии и ее придатка – комсомола, – контролем, переходившим зачастую в прямое дублирование комсостава этими структурами. Иными словами, большевистский эксперимент, не просто воспроизведший, но и многократно усиливший негативные управленческие тенденции, поставил Красную Армию в условия, при которых в командном составе не могла развиваться инициативность, способность принимать решения и брать на себя ответственность за них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексей Петрович Кульгачев (в его письмах, рассказах и воспоминаниях) // Кавказский сборник. Т. XXX. Тифлис, 1910.
2. Бриммер Э.В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в I кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник. Т. XVIII. Тифлис, 1897. С. 94.
3. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998.
4. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007.
5. VIII съезд РКП(б). Стенограмма заседаний военной секции съезда 20 и 21 марта 1919 года и закрытого заседания съезда 21 марта 1919 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 11.
6. Drang nach Osten. Из секретной докладной записки германского Большого генерального штаба. 1913 год // Родина. 1993. № 8–9.
7. Замулин В.Н. Прохоровка – неизвестное сражение великой войны. М., 2006.
8. Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1909.
9. И.П. Из боевых воспоминаний. Рассказ курунца // Кавказский сборник. Т. IV. Тифлис, 1879.
10. Лосский Н.О. Характер русского народа. Кн. 2. Франкфурт-на-Майне, 1957.
11. Мартынов Е. Назревшие реформы // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. Российский военный сборник. Вып. 17. М., 2000.
12. Меллентин Ф. Бронированный кулак вермахта. Смоленск, 1999.
13. Миронов Б. Когда в России жилось хорошо? Эпизод четвертый. 1920-е годы // Родина. 2008. № 7.
14. Парский Д.П. Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы // О долге и чести воинской в российской армии. Собрание материалов, документов и статей. М., 1990.
15. РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 11; Оп. 16. Д. 19; Ф. 7. Оп. 14. Д. 3; Ф. 9. Оп. 29. Д. 200, 213, 216, 225; Оп. 36. Д. 262, 1777; Ф. 62. Оп. 3. Д. 22, 74, 78, 105, 172, 234, 248; Ф. 25880. Оп. 4. Д. 138; Ф. 31983. Оп. 2. Д. 13, 175; Ф. 33879. Оп. 1. Д. 187, 579; Ф. 34503. Оп. 1. Д. 14, 15; Ф. 36393. Оп. 1. Д. 7, 40; Ф. 36863. Оп. 1. Д. 6; Ф. 37928. Оп. 1. Д. 15; Ф. 40334. Оп. 1. Д. 212.
16. Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. Кн. 1–2. М., 2006.
17. Смирнов А.А. Русский солдат как зеркало русского национального характера // Расовый смысл русской идеи. Вып. 1. М., 1999.
18. Соколов Б.Н. В плену и на Родине. СПб., 2004.
19. Сувениров О.Ф. 1937. Трагедия Красной Армии. М., 2009.
20. Фадеев Р.А. Письма с Кавказа // Собр. соч. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1889.
21. Флуг В. Высший командный состав // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. Российский военный сборник. Вып. 16. М., 1999; Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. (Российский военный сборник. Вып. 17). М., 2000.
22. Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.
23. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем 1872–1887. М., 1987.

¹ Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 225. Л. 333. Слово «молодой» в цитируемом нами черновом экземпляре документа, возможно, написано по ошибке вместо «младший»: в следующих фразах за невнимание к обучению бойца в ходе маневров критикуются и средние и младшие командиры.

² Там же. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 13. Л. 76 об. (234 об.), 131.

³ Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 90–91.